

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Фёдор Медведев

НЕВЫНОСИМАЯ ДЛЯ МЕРЗАВЦА

Евсения Медведева

Невыносимая для Мерзавца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70338808

SelfPub; 2024

Аннотация

Мне нельзя его любить! Нельзя! Мятежный... Сколько стихии в этой фамилии! Сколько бури в его глазах! Этот мужчина пугает меня, в его присутствии воздух становится раскаленной сталью и от него никуда не деться. Владелец курортного города, да без его согласия даже птицы не пролетают! Он наглый, циничный мерзавец, но ничего поделать с собой не могу! Мою башню срывает и вместо того, чтобы держаться от него подальше, я готова приковывать его наручниками, угонять тачки и творить безумства, лишь бы доказать, что лучше меня он не найдет...— Скажи мне, Славочка, а каково это не иметь рычагов влияния на молодую соплю, вроде меня? А? Каково это лишиться своих инструментов давления? —А вдруг есть шанс, что ты сама начнешь за мной бегать?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	44
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Евсения Медведева

Невыносимая для Мерзавца

Пролог

– Вера! – его голос рвал перепонки, своим рыком заглушавшая льющуюся из динамиков музыку.

Сжимала кожаную оплётку руля, пытаясь успокоиться. Но как это сделать, когда за тобой мчатся две полицейские машины, а на заднем сиденье мужчина, которого я практически выкрала и приковала наручниками? И при всём при этом я отчаянно делала вид, что всё под контролем. Под каким, блин, контролем?

– Вера, дай ключи от наручников. Где они? В сумке? Давай, я сам найду! – мой пленник, он же подельник, в данных условиях изо всех сил старался быть спокойным, но вот глаза искрились яростью.

Порой этот мужчина пугал меня до панического приступа и вскипающей крови. Но головокружение я ощущала всё же чаще. В его присутствии воздух становился густым, как горький черный кофе. Каждый вдох обращался дурманом, и вот ты уже не принадлежишь себе. Вплетаешься в комок

страстей, потрескивающих от напряжения между нами.

– Не дам! Что, не нравится, когда всё идет не по плану? – во мне что-то взорвалось, и негодование, смешиваясь со страхом, вырвалось наружу. – Думаешь, только тебе можно портить чужие свидания? Нет, милый мой... Этот день ты никогда не забудешь!

– Да я даже если жечь как захочу тебя забыть, то ни черта не выйдет! – взревел Слава и рванул вперед, буквально врезаясь между двумя передними сиденьями. У него была свободна только правая рука, ею он и сжал меня за шею так, что я не могла ни вдохнуть, ни пошевелиться. Кожа плавилась под его взглядом, а касания тревожили душу, опьяняя бьющим адреналином. – Ты чокнутая на всю голову! Невыносимая, сумасбродная, отчаянная. Вера, ты откуда такая на мою голову свалилась?

– Ой, прости, Мятежный... Тебе же такого не надо. Что вы! Вячеслав Андреевич – серьезный мужчина, бабки, власть, тёлки штабелями вдоль красной ковровой дорожки. Его в городе каждая собака не просто знает, а голос от страха теряет. Скажи мне, Славочка, а каково это – не иметь рычагов влияния на молодую соплю вроде меня? А? Каково это – лишиться своих инструментов давления? Сложно добиваться внимания девушки непривычными средствами? Меня бабками не купить, сам знаешь, из какой я семьи. Силой не взять, зубы выбью и не посмотрю, кто ты. Тебе даже припугнуть меня нечем! Ну не рассказывать же папке, что

я в понедельник пропустила искусствоведение? Ни хрена у тебя нет...

– Но шанс-то всё равно есть, – он оскалился и лизнул меня от самого подбородка, с силой раздвигая губы языком. – А вдруг есть вероятность, что ты сама начнёшь за мной бегать? Будешь тратить мои бабки, фамилией моей пользоваться или пугать всех тёлочек, что в штабелях пылятся с тех пор, как ты чёрной кошкой перебежала мне дорогу. Как тебе план? Как по мне, так отличный. Зачем напрягаться, если ты и сама всё можешь сделать?

– Бегать за тобой я никогда не буду, можешь даже не мечтать. А вот шанс угодить в дурку у тебя есть, Славочка. Ну? Признавайся, хочешь в дурдом? Тогда добивайся, напрягайся и изощрайся, – шептала я, кое-как следя за дорогой. – Я тебе такой фейерверк жизненный устрою – закачаешься.

Картинка плыла... И лишь тёмный лес, вспыхивающий яркими пятнами проблесковых огней, напоминал, что сейчас не время и не место для флирта. Да и мужик не тот.

Но если не тот, то почему я его буквально выкрала, обманом усадила в тачку, приковала наручниками с розовыми пёрышками из секс-шопа и гоню на скорости сто сорок, улепывая от полиции?

– А зачем мне напрягаться? – его пальцы двинулись выше, ласково прошлись по краю челюсти, сжали подбородок и стали медленно поворачивать голову. А когда наши взгляды встретились, по позвоночнику растеклась волна тепла... Он

дикий, авантюрный, невероятно грубый мужик! Но отчего рядом с ним я ощущаю себя в безопасности? Почему тону в тинистой зелени его глаз и покрываюсь мурашками? Да мою башню сносит быстрее, чем пятиэтажку под стеклянную новостройку. Я просто лечу в пропасть, не желая, чтобы это прекращалось...— Ты же сама меня выкрала. Вот и машину угнала, а это срок, полторашечка. Ой... Или ты не заметила, что за нами уже десять минут менты гонят?

— В смысле — угнала? — прохрипела я, осматривая глазами салон мерина.

— Это не моя машина, Верочка, — тихо рассмеялся он, оставляя быстрые поцелуи в уголках рта. Его слова отрезвляюще лупили меня по щекам, страх стал настолько концентрированным, что коленки затряслись. — Это угон, детка. Угон...

— Мятежный!!!

Глава 1

– Ты что, окончательно рехнулась, раз решила вернуться к своему недомужу? – вскрикнула Адель и со всей силы шлёпнула подругу по коленке. Ночкина вспыхнула румянцем и готова была придушить Беспутову, вот только та уже ожидала подобной реакции и шустро сдвинула стул, по-киношному ловко уворачиваясь. Ножки скрипнули по каменному полу, и стул проскользил, спасая задницу Таечки.

– Тише! Люди смотрят, Адка... – Тайка заливалась смехом, извиняюще осматривая публику на летней веранде итальянского ресторанчика, куда мы забежали после шопинга. – Вер, ну ты-то скажи ей! Чего молчишь и вечно пялишься в свой телефон?

– Щас, Тай... Секунду. Всего одну, – я кусала губу, лишь бы не засмеяться, пока гоняла пальцем поисковую ленту. – Загуглю сначала, чем ты, мать твою, болеешь, раз вернулась к своему Грине! А вдруг это заразно? – охнула я, пряча ладошками рот, растянувшийся в коварной улыбке. – Ой, мамочки... Адочка, может, и ты к Раюше вернулась из-за этого вируса? Собирайтесь! Налицо опаснейшая эпидемия. Потопимся, подруженьки, а то если не остановить это, то и Пугачева к Филе возвратится.

– Дуры, мля, – зашипела Тая и в обиженном жесте сложила руки на груди. – Я больше вам ни слова не скажу! Вот ни

одного звука не произнесу, раз вы такие умные! Одна двадцать лет прятала от шикарного мужика не менее шикарного сына, а вторая... А второй только двадцать лет и стукнуло! Вот, смотри... Верке столько же, сколько ты бегала от Раевского! Так что не вам мне советы раздавать, курицы.

– Слушай, Тай, – не унималась Адель и всё пыталась дотянуться до Тайки, но та продолжала медленно мигрировать за соседний столик, чем сильно беспокоила девушку, нервно переводящую взгляд с чокнутой блонди на своего парня, сидящего к нашему столику спиной. Тот даже и не подозревал, что висит на волоске от кастрации, продолжая есть растаявшее фисташковое мороженое. – Вернись, Бесик! Быстро сюда! Верке хоть и двадцать, но мозгов побольше. Она бы не стала возвращаться к такому придурку, как твой Гриня. Да за нормальной бабой всегда мужики носиться будут. А ты хоть и дура, но баба-то – высший пилотаж! Вместо этого ты вновь и вновь на одни и те же грабли наступаешь. Он что, приворожил тебя, что ли?

– Да? Что-то я не вижу очереди из мужиков. Молодой человек, вы не за мной? – Тайка была настолько зла, что всё же решила добить этот непрочный любовный союз пары за соседним столиком и тихонько постучала парню по плечу. Тот явно опешил, не донеся лужицу мороженого, и смачно капнул на черный пуловер. – Нет? А жаль... Вот видишь, Ночкина? Он не за мной.

– Тай, да мужика можно встретить где угодно! Просто по-

началу надо взять на себя немного инициативы, — я пожала плечами и стала осматривать узкую улицу, напрочь парализованную трафиком. В этом приморском городке пробки и узкие улицы — стиль жизни. Вольно начинаешь себя чувствовать, только вырываясь из каменных джунглей на трассу, вот там уже и дышится иначе, и от скорости голову кружит. А город привык стоять. Вот и сейчас можно было не спешить и внимательно рассмотреть каждого водителя, нервно выглядывающего из приоткрытых окон автомобилей. Они дёргались, гудели клаксонами, наивно полагая, что пробка рассосется.

— Какая инициатива? — Тайка извинилась перед потревоженной парочкой и всё же вернулась за столик от греха подальше, заметив, как та брюнетка опасно сжимает в руках нож. — Ты серьёзно? Что, мне врезаться в красавчика, а пока тот приходит в себя, набить татуировку со своим номером телефона? Или пригласить в кафе? Или сразу с матушкой тащить знакомиться? Вер, ну что ты говоришь? Современной женщине не нужны предлоги, чтобы сказать, что тебе нравится мужик. Ты просто подходишь и берешь.

— Просто подходишь и берешь? — я прищурилась, продолжая скользить по разномастной веренице машин. — Так что же ты не берешь? Почему вновь и вновь подбираешь одного и того же придурка?

— А кого брать? Кого? А вдруг и не стоит ломать то, что так хорошо отлажено? — Тайка взбила облако своих кудрей и

вскинула прозрачно-голубые глаза к серому, набухшему от тяжелых дождевых туч небу. – Все такие умные, проработанные, светлые. Вот только моя проблема в том, что мне никто не нравится!

– Тай, ну оглянись, – Адель схватилась за спинку стула, на котором сидела её подруга и дернула так, чтобы лицом развернуть к дороге. – Выбирай! Смотри, сколько самцов. Выбор – закачаешься.

– А че я первая? – Тая рассмеялась и хотела было отвернуться, но Ночка не позволила. Упёрлась ногой, ещё и тыкать в бок принялась, чтобы не смела сопротивляться. – Давай, Адель. Покажи класс?

– Да меня Раевский прикончит, если узнает! А он узнает, поверь, – Ада замахала руками. – Ты ж сама говоришь, что он адвокат дьявола, а потом толкаешь меня на грех. Вот в котле меня и сожжёт Раевский. Отлюбит, потом спалит.

– Да чёрт с тобой, Беспутова! – я бросила сумку на соседнее кресло и встала. – У меня нет Раевского, я сама вам класс покажу.

– Стой, Вер! За тебя меня Раевский тоже порвёт! – Ночка попыталась поймать меня за руку, но сильно опоздала.

– Поздно, Ада... Слишком поздно... – я снова потревожила влюблённую парочку, которым мы окончательно испортили свидание, чтобы протиснуться к живой изгороди, и перемахнула через неё, останавливаясь на тротуарной дорожке. Вокруг было море машин... Я даже не смотрела на мар-

ки, просто искала более-менее подходящую цель. Если уж и творить безумство, то хотя бы с красавчиком. Ну, мужички... Готовы? Так, этот в носу ковыряется, будто заначку потерял, этот как ненормальный орёт в трубку, рискуя выплюнуть лёгкие, здесь девки одни... О!

Мой взгляд буквально прилип к москве скучающего красавчика. Он как-то лениво смотрел в небо, очевидно, гадая, когда закончится эта дождевая пыль. Солнце едва проклевывалось меж туч, интенсивно испаряя влагу, чем создавало эффект сауны. Внезапно стало так душно. То ли правда из-за скакнувшей влажности, то ли этот чудак так повлиял на меня.

Я просто не могла оторвать глаз. В огромном чёрном джипе его фигура казалась ещё больше. То ли его это подпирало крышу, то ли ширина плеч была поистине богатырской. Но ему будто тесно там было. Пора выручать мужика!

Не знаю, что за бес меня толкнул, но я рванула между застывшими раскаленными от жары машинами напрямик в сторону богатыря. Почти не дышала. Просто бежала к своей цели и старалась даже не думать, хватит и женских возгласов за спиной, что пытались остановить меня.

– Прошу прощения, – я буквально выдохнула ему в рот свои извинения всего за мгновение до того, как впиться губами. Присосалась, как к холодной камбуче в самый солнцепёк. Его губы сначала были напряжены, а потом превратились в сладкое желе, пахнущее малиной. Мысли летели ис-

пуганными птицами, и лишь когда его язык толкнулся мне в рот, я стала медленно приходить в себя.

Распахнула глаза, утопая в тёмной зелени его глаз. Там было так черно... Зрачки то расширялись, то сжимались в точку, а аромат малины стал приобретать все новые и новые нотки приторности.

Мне просто стало нечем дышать. Он пропитал меня насквозь, вьелся в кожу, проник в кровь, заполонил собой всё вокруг. И я даже не сразу поняла, откуда слышится этот противный писк, больше похожий на сигнал пожарной сигнализации.

– Слава! Что это значит? – когда голос приобрёл силу, а лицо пергидрольной блондинки – форму, вот тут меня накрыло... Я внезапно осознала, и ЧТО сделала, и что мне сейчас за это будет.

– Ой... Простите! – охнула и сделала шаг в сторону, но в этот момент машина сзади зашуршала шинами, и богатырь практически всем корпусом вылез в окно, чтобы схватить меня и прижать обратно к двери. Расстояние между нами вновь стало микроскопическим, ничтожным. Его касания оставляли ожоги, что плавили кожу даже через косуху и шерстяное платье. – Я... я обозналась! Вы Слава? Нет, я Иллариона искала...

– Илларион есть? – здоровяк явно обратился к своей спутнице, отчаянно прятал улыбку, продолжая сжимать мою руку, чтобы не посмела дёрнуться.

– Кто?!? – снова заверещала девка, но зачем-то стала осматривать заднее сиденье, на котором сидела с маленькой собачкой на руках. А когда богатырь понял, что она правда кого-то ищет, забормотал проклятья, которые могла слышать только я, и откинул голову на кожаный подголовник. – Да нет тут никакого Иллариона! Слава, кто это? И кто такой Илларион?

– Здесь его нет, полторашечка, – брюнет тихо рассмеялся и, не разжимая ладоней, крепко стискивающих мою талию, вдруг снова высунулся в окно и как засвистит соседней тачке. Водитель остолбенел, но окно с пассажирской стороны всё же открыл. – Э! Мужик! Ты Илларион?

– Нет... – парень смутился и газанул, проезжая мимо нас, потому что вид у богатыря был сильно бандитский. Короткие рукава белой футболки открывали татуировки, и я, будучи полной тупицей, встала на цыпочки, чтобы получше рассмотреть это brutальное переплетение линий.

– А ты, парень, не Илларион? – он снова высунул голову и будто специально уложил локоть на дверь, чтобы я не сильно-то и напрягалась, исследуя его мощные сильные руки.

– Нет... – снова послышалось сзади.

– Прости, малышка, но Иллариона и правда нет, – он гоготнул и звонко цыкнул, чтобы я уже оторвала взгляд от его руки.

– Тогда я п-п-п-пойду?

– Иди с Богом, малая... – он вдруг дёрнулся и так смачно

поцеловал меня в лоб, чем вызвал дикое возмущение спутницы. Но её визгов я уже не слышала. Просто пятилась назад, расставив руки так, чтобы водители видели, что дорогу переходит городская сумасшедшая... И лишь когда отошла на приличное расстояние, меня вдруг осенило... Я вспомнила его! Сука-а.... Трасса. Чёрные джипы, зажимающие нас с Раевским к обочине. Как его там... Митинг... Буча... Склока... Драка... Да как его, блин????

– Вера! – хором заорали мне в два уха Ада и Тайка, выдёргивая с края проезжей части на тротуар. – Ты дура, что ли? Какого фига ты попёрлась?

– Кто это? Кто? – шипела Таечка, выгибаясь, чтобы рассмотреть богатыря из-за застывшей напротив газели. – Морда уж слишком знакомая. Я его точно где-то видела.

– Да нет... Этого не может быть! Теперь мне точно конец, – застонала Ада, сильно бледнея. – Это что, Мятежный? Вера! Ты что, поцеловала Мятежного?

– Точно! Мятежный! – меня потрянуло, и я стала оседать на руки девчонок. Они улыбались водителям, засмотревшимся на театральное представление, и оттаскивали меня обратно за столик.

– Нас Раевский порешает. На дыбу посадит! – стонала Тая. – Он на меня до сих пор злой, как падла. А теперь вообще всех собак спустит, что не уследили за его крестницей. Всё, Ночка, я к нотариусу – писать завещание. Не простит Раюша. Ты в курсе, что Мятежный владеет если не всем го-

родом, то доброй его половиной? Да про него столько слухов ходит, что дурно становится! Там и криминал, и беспредел открытый. Да и вообще, все говорят, что он Мерзавец порядочный.

– Ну, порядочный же? Видите, как у меня чуйка работает? Из толпы самого порядочного мерзавца отыскала. Слушайте, ну я же не маленькая, – я отряхнулась от их рук и залпом осушила чашку зеленого чая. – Давай, Тайка. Теперь твоя очередь!

– Ты чокнулась? – рассмеялась БеспUTOва. – Щаззз... Мне скоро сорок, я вот только в пробке мужика и не целовала.

– Давай-давай! Вперёд и с песней! Глядишь, расколдуют тебя чужие губы... – Адка толкнула подругу в плечо, звонко хохоча, а ещё через мгновение мы хором завопили: «Чужие губы тебя ласкают, чужие губы шепчут тебе...».

Влюблённая парочка стала нервно собираться, но мне было все равно. Мой взгляд был приколот к черному джипу, из которого на меня смотрела пара зелёных глаз...

Глава 2

– Ну? И где этот долбанный участок? – я стонала, но продолжала пробираться по вспаханной тяжелой техникой дороге. – И где этот заказчик? Где?

Я чуть ли не плакала, наблюдая, как изумрудная замша моих туфелек покрывается ржавой глиной, но продолжала идти вперёд, потому что впервые сама нашла для себя клиента не из знакомого круга. А значит, категорически нельзя упасть лицом в грязь!

Ну и стоило мне только завершить эту полную бреда мысль, как каблук лодочки заскользил, а следом и я сама... Так как я пробиралась по самому краю подъездной дорожки, вдоль которой не то что тропинки, там даже ограждения как такового не было, поэтому я стремительно и поскользнула по склону, прямо в низину, где росли деревья.

Мой визг заполнил всё вокруг. Цеплялась за тонкие ветки кустарника, пытаюсь остановить позорный триумф, но как-то слишком внезапно остановилась. И не то что остановилась, меня будто в воздухе подвесили, лишив почвы под ногами.

– Помогите! – верещала я, когда толстая ветка буквально вонзилась мне в джинсы и теперь нещадно царапала кожу задницы.

Я словно рыбка болталась на крючке вниз лицом, заматывая прелее хвойные иголки своими волосами. Попыталась

зацепиться за ствол ветки, но та грозно затрещала, грозясь стряхнуть меня прямо в лужу мокрой и липкой глины. И я затихорилась... Скулила и медленно шарила пальцами в бездонной сумке, болтающейся на шее. Ну как я могла оказаться в этом дерьме? Нет... Не так... Я опять оказалась в этом дерьме.

– Вам нужна помощь? – звенящий от сдерживаемого смеха грубый мужской голос заглушил мои сумасбродные мысли. Я попыталась обернуться, но ветка снова хрустнула. Понимала, что вишу прямо пятой точкой к моему потенциальному спасителю, но что я могла сделать? Что?

– А вы как думаете?

– Я думаю, что вы похожи на неудачливого суицидника, – мужчина, очевидно, не выдержал и рассмеялся в голос. – А у меня принцип – не мешай, и целее будешь.

– То есть вы готовы меня здесь оставить? – мой голос превратился в писк, и будь рядом какое-нибудь здание, оно бы взорвалось осколками окон. – Дяденька, а вы не знаете, куда в этом мире делись все мужчины, готовые пойти на всё ради женщины?

– Ты пропустила одно мaaaленькое слово, девочка...

– Какое?

– Ради СВОЕЙ женщины. А ты больше похожа на червяка на крючке удочки.

Я зажмурилась, когда так отчётливо услышала странный шорох веток, а после и вязкое чавканье глины, и вдруг всё

стихло... Шелестела трава, тряслись ветки сосен, вдали шумели катера, рассекающие по морской глади, и всё. Мне вдруг стало так страшно, вдруг он ушел?

Молодец, Верочка. Отпугнула единственного спасителя, теперь только на дружелюбных белочек придётся рассчитывать. Вдруг им надоест пялиться на меня?

– Ау... – аккуратно прошептала и снова попыталась обернуться, но именно в этот момент ветка, на которой я болталась ёлочной игрушкой, с грохотом треснула, а я повалилась... Летела вниз лицом, понимая, что ничего уже не поделать. И если бы не сильные руки, подхватившие меня в этот момент, то непременно бы вошла носом в глину.

– Держись, давай, – гоготал мужик, поняв, что поза, в которой он меня поймал, была весьма неоднозначна. Я обхватила руками его ноги в районе икр, пялясь в грязный лак дорогуших туфель. – Как зовут-то тебя, воздушная гимнастка?

– Груша, дяденька. Висит груша – нельзя скушать, слышали?

– Пойдем, яблочко, поставлю тебя на землю, – мой спаситель не унимался и продолжал смеяться, сжимая сильной хваткой мою задницу. Ощущала его пальцы, впивающиеся во внутреннюю сторону бедра. Мужчина развернулся, оценил путь, который нам придётся преодолеть, и перехватил меня, подтягивая повыше. Я буквально коленями обхватила его шею, упираясь «пирожком» в по-мужски колючий подбородок.

– Вы в следующий раз не могли бы побриться? – сказала, а потом мысленно отлупила себя за свойственный мне словесный понос. Папа с детства твердит, что моё недержание рано или поздно аукнется. Будем считать, что это тот самый случай?

– А что, щекотно?

– Есть немного... – но договорить я даже не успела, как он прижался ещё сильнее, заставляя меня вскрикнуть от странности ощущений. Мои тонкие летние джинсы в решето превратились. А кожа вспыхнула от уколов, я будто на мезотерапии побывала! – Шалун, блин... Спасение, а удовольствие в подарок? Это у вас приветственный комплекс такой, да? Добавьте ещё: «Приведи подруга, и мезотерапия в подарок»!

– А вы, Грушенька, полны яда, а не благодарности. А ведь я мог просто проехать мимо, – его шаги были тяжёлыми, мощными. Мужчина с лёгкостью преодолел подъем, а когда вскарабкался на дорогу, как-то слишком просто развернул меня, как палочку для роллов, и поставил на крошечный островок щебня.

– Это нервное, – я осмотрела напрочь испорченные туфли и развернулась... – Какого чёрта!

– Здравствуй, полторашечка!

– Опять ты? – весь настрой на бесконечную благодарность лопнул мыльным пузырьём, потому что прямо передо мной стоял Мятежный, собственной персоной. Мужчина довольно улыбался и так смело осматривал меня, словно пытался

определить повреждения.

– Ну? Целоваться будем? – он подмигнул и резко схватил меня за локоть, разворачивая к себе спиной. – Нет? Ну ладно, переживу как-нибудь. Джинсы твои в утиль, Грушенька.

– В смысле? – я взвизгнула и скрутилась, пытаюсь увидеть собственную задницу, а когда нащупала пояс джинсов, что теперь болтался двумя лохмотьями, демонстрируя бирюзу кружева трусиков, то застонала и попыталась свести ткань вместе, прикрываясь. – Да что за день-то такой?

– Значит, ты та самая Вера, готовая облагородить мою лужайку в сорок соток? Ну, пойдем?

– Куда пойдем?

– На участок, – Мятежный осмотрелся и, очевидно, не найдя ничего лучшего, перебросил меня через плечо, стянул мои перепачканные туфли и забросил на заднее сиденье своего чёрного джипа. В салоне знакомо пахло малиной, горечью крепкого кофе и табака.

– Ты и есть заказчик?

– Вячеслав, – он кивнул, запрыгнул на водительское кресло и покатил по размазанной жиже дороги. – Сука... Ещё вчера должны были всё засыпать щебнем. Опёздолы безголовые! Завтра ещё и безъяйцевые будут. Ну? С чего начнёшь?

Слава закурил и, резко вывернув руль, свернул на крутой съезд. Высокие сосны вдруг расступились, открывая охренительно красивый особняк. Оказывается, я не дошла всего какие-то несколько метров!

Занимаясь обустройством домов для моих друзей, Раевского и Каратицкого, я успела перезнакомиться со всей администрацией этого закрытого посёлка. Ну а главной виновницей моего сегодняшнего «триумфа» оказалась Машка Багирова, секретарь в «управляйке». Именно она и подсказала скинуть своё резюме, потому что в посёлке остался только один дом с необустроенной территорией. Правда, Машка сразу предупредила, что владелец сильно отбитый на голову и уже умудрился уволить трёх ландшафтных дизайнеров. А мне работа была просто позарез нужна!

Нет, я не то чтобы абсолютно блаженная, хотя... Наверное, так оно и есть. Будучи студенткой первого курса, прекрасно понимала, что шансов получить этот объект практически нет, но и план у меня был другой. Я очень хотела уболтать владельца взять меня на безвозмездной основе в помощники, собственно, об этом я честно и написала в резюме. Мне так сильно хотелось поработать с настоящим дизайнером, что когда получила ответное письмо на заявку, чуть коньки не отбросила от радости. Но что-то пошло не так.

– Так с чего начнёшь, Полторашка?

– Я?

– Кроме нас тут никого нет, – Слава въехал на дорогу из бетонных плит и пошуршал к дому, вокруг которого мгновенно началась суeta. Мужчина открыл окно и как засвистит, что аж уши заложило. – Атас! Щас вешать по одному начну за яйца! Какого хера не отсыпали дорогу? Мне администра-

ция штраф выкатила! Говорит, я им вид посёлка порчу грязной дорогой.

– Вячеслав Андреевич, – пузатый мужчина невысокого роста выбежал из бытовки и замер на верхней ступени, с опаской озираясь в сторону леса. – Там произошло недопонимание...

– Я тебе сейчас, долбанный Добби Доббидович, покажу недопонимание! Так отхерачу, что понимать меня без слов начнёшь, – Слава выдернул из-под сиденья пустую пластиковую бутылку и так точно швырнул её, что та пролетела на бреющем полёте над блестящей лысиной прораба. А это определённо был прораб. Почти мёртвый, но зато прораб. Я осмотрелась и выскочила на ровную бетонную площадку прямо босыми ногами.

– Да не Добби я! – орал лысик, стремительно утекая вдоль строительной техники напрямиком в лес. – Сегодня! Все будет сегодня! Я клянущуусь...

– Сука, – выдохнул Слава и зарычал, распугивая застывших работников.

Он будто и не приехал на участок минуту назад, а весь день тут торчал, оттого так мастерски и горланил, указывая на недоделки, которые должны были устранить ещё вчера. Он вопил так, что деревья качались, а испуганные птицы уже отправляли голубиной почтой заявки в миграционные отделы других лесов, лишь бы подальше от этого богатыря с иерихонской трубой вместо голоса. А потом здоровяк как-

то подозрительно внезапно вспомнил обо мне и резко обернулся.

– Так, теперь с тобой разберусь...

– Так! Руки прочь! – взвизгнула я, наблюдая, как сверкают пятки прораба, уж слишком ловко убегающего в закат. – Знаете, я передумала. Я, наверное, не сказала? Но я только на первом курсе, Вячеслав Андреевич. У меня нет опыта, из рекомендаций – только похвала друзей, которым обустроивала дома. Можно я пойду? Пожалуйста.

– Ты что, испугалась? – Мятежный ощупал карманы своих брюк, вытащил сигареты, закурил и сел на бетонное ограждение пустующей клумбы, в центре подъездной дорожки к парадному входу. – А я на тебя ставил, Грушенька. Ты так отчаянно пыталась не рухнуть мордочкой в грязь, что даже на миг подумал: «Вот та женщина, что высадит мне фруктовый сад, застелет грязь рулонным газоном и натычет пышных цветущих кустов. П-ф-ф-ф... Слабачка.

– Ничего и не испугалась! – шикнула я, уже ощущая, как закипает адреналин.

Этот придурок будто прочувствовал, что я слаба перед спорами. Внутри всё клокочет, взрывается, а внутренний голос орёт утрашающим голосом: «Покажи ему, Вера! Утри ему нос! Да пусть победит сильнейший!».

Но я надавила на горло своему обезумевшему желанию доказать, потому что в этой схватке победила чуйка. И она упорно шептала мне, что связываться с ним опасно!

– Но работать у вас тут не буду. Атмосфера угнетающая.

– Тогда я растреплю всем, что вы, Грушенька, кинули меня на бабки, да ещё и фото приложу вот этого безобразия, – он махнул в сторону раскуроченного газона, где в самом центре глинистой кучки росла одинокая ромашка. – Скажу, что это современное виденье ландшафтного дизайна, то есть твоего, Полторашка. Оно тебе надо? Трудно придётся потом клиентов искать.

– Вы чокнулись? Я-то тут при чём? – схватила свои грязные туфли и стала пятиться назад, уже мысленно прикидывая, кто может меня отсюда забрать. Свою машину мне пришлось бросить ещё за поворотом, там, где кончился нормальный асфальт. Блин, за долбаным Добби-бригадиром, что ли, рвануть? Он так мастерски взмахнул в гору, что есть подозрение, что тропинка давно протоптана.

– Работу хочешь? – голос Мятежного стих, превращаясь в колдовской шёпот.

Этот звук окружил меня, как бывает во время грозы. Ты словно стоишь в центре стихии и с опаской озираешься по сторонам, гадая, откуда шарахнет. Но я-то знала! Вон, и глаза его уже выстреливают петардами ярости, и улыбка в оскал шальной превратилась.

Зверюга, блин... А какой красивый мужчинка! И высокий, как Эверест, и фигура, как у атлета, вот только в его силуэте пошлости не было. Он был органично прекрасен, без пересушенности рельефов и смазливой метросексуаль-

ности, в которой очень часто тонут мужчины. Хорош, чертяка. Очень хорош!

Стоп... А чего это он улыбается?

«Дура! Верка, ну как ты думаешь? Может, потому что ты уже минут пять елозишь влажным взглядом по его телу?»

– Хочу... – выдохнула я и мысленно надавала самой себе смачных пощёчин.

– Тогда принимай объект, Грушенька, – Мятежный встал и буквально в два шага оказался около меня. Уже в отточенном движении подхватил на руки, закинул на плечо и потащил к дому. – Пойдем, кофе сварю. Так сказать, закрепим трудовой договор.

– Да я ж еще согласие не дала!

– Ты так мою задницу рассматривала, что слюной всю бетонку закапала.

– И ничего я не закапала! – вскрикнула, а сама обернулась, чтобы проверить, потому что рядом с ним уже ни в чем нельзя быть уверенной, особенно в себе.

– То есть с тем, что пялилась, ты согласна? – расхохотался он, входя в охренительно красивый холл дома. Слава скинул грязные туфли, вырвал из рук мои шпильки и только тогда опустил на пол. – Ладно, я только с виду грозный дядька. А в душе пухлый кролик.

– Дядь, ну отпусти меня! – залепетала я, а сама покорно плелась следом, осматривая просторный коридор. Интерьер был невероятно красивым. Здесь не было новомодного

веянья холодной современности, наоборот... Натуральный дуб на полу, светлые с теплым отливом стены, уютная и комфортная мебель. Всё было продумано, выверено и создано для жизни, а не для красивых фоточек в соцсетях. – Ты уволил гору дизайнеров. А у меня опыта нет. Я только поступила в архитектурку, и мне бы с профессионалом поработать, чтобы уловить суть.

– Я их уволил, потому что они хотели превратить мой двор в петушарню, – зарычал он и кивнул в сторону груды глины, где торчала ромашка. И тут до меня дошло... Он что, перекопал территорию, чтобы стереть чью-то работу? Бля... Отбитый он, что ли? Головой мамка часто ударяла? – Слушай и внимай, Груша. Мне нужен аккуратный простор.

– Просто газон посеять, что ли? – я буквально опустилась в кресло и только тогда вспомнила, что джинсы болтаются на честном слове! Прижалась пятой точкой к спинке и притихла, осматривая вспаханное поле через панорамную стену.

– Газон я и сам посеять могу! – он рыкнул и обернулся, как-то быстро осмотрев меня с ног до головы. – Тебя как зовут-то, чудо чудное?

– Вера... Вера Выюник... – выдохнула я.

– Вот теперь охренеть, – прохрипел Мятёжный и вернулся к сверкающей кофемашине. – Значит так, Вера Выюник, я передумал... Мне и так живётся неплохо. Давай, пей кофе, и я домой тебя отвезу от греха подальше.

– Это ещё почему? – у меня будто амнезия случилась. Я

словно и забыла, что несколько минут назад отказывалась и буквально умоляла отпустить.

– Пей, Полторашка, – Вячеслав поставил передо мной чашку, а сам распахнул сдвижные двери в сад и закурил, выглядывая на парадную часть дома, где вновь засуетились рабочие. – Ты просила отпустить? Вот, считай, выполнено.

– А может, я передумала?

– С чего это? – он обернулся так внезапно, что рука дрогнула, и кофе щедрым плевком плюхнулся на мои многострадальные джинсы, а кожа вспыхнула ожогом. – Ой!!!

– Ну, ё-моё, – он закатил глаза и упёрся лбом в стекло. – И часто ты в неприятности попадаешь?

– Никогда, – я огрызнулась, наблюдая за ним исподлобья, пока пыталась руками остудить пятно.

– Ага, так я тебе и поверил. Хорошо, а целуешься ты с первыми встречными по понедельникам? Чётко по расписанию?

– Не бойтесь, Вячеслав Андреевич, вы были у меня первым, – я шлёпнула чашкой по гранитной столешнице, встала и рванула к выходу.

Какого чёрта я тут сижу? Ведь всем понятно, что уже ничего не выйдет. Какой между нами может быть контакт? Да я в жизни его теперь своим начальником не представлю, потому что перед глазами тот поцелуй.

Мне оставалось всего три метра! Три! Рука уже тянулась к бронзовой ручке, как дверь распахнулась, и я чуть не впи-

салась в ту самую блондинку.

– Ты? – завизжала она, сильнее прижимая к себе растерянного пса. А я не удержалась и захохотала. Волосы девушки были в комьях грязи, по тонкой белой блузке расплывались глиняные подтёки, собственно, белый шпиг был ничуть не лучше.

– Ой, тут Иллариона тоже нет. Пришла проверить, вдруг вы меня тогда обманули? – прыснула я, подхватила свои туфли и рванула на улицу. Замедлилась на секунду, а когда увидела Добби-прораба, стоящего меж деревьев, помчалась в его сторону.

Фух... Спасение!

Глава 3

– Ну что я – маленькая?

Ладони так и чесались что-нибудь сломать, разгромить, разрушить! Негодование, гнев и досада едким послевкуси-ем оседали на языке, но я не могла показать это своему отцу, иначе партия в игре за собственную независимость будет проиграна.

Он до сих пор не может смириться с тем, что не вернулась домой по первому требованию, хотя уезжала за компанию с друзьями своего брата, чтобы просто проветриться и весело провести время у моря.

Но я влюбилась в этот город. Эти сочные рассветы и пропитанные соблазном и пороком закаты. Этот дурманящий бриз, ласковое солнце, плеск волн. Это любовь!

Втайне от родителей я забрала документы из медицинского, где оттарабанила два курса.

Да, я ветреная.

Но не потому что не думаю ни о чем, а потому что хочу найти свое дело! Чтобы по утрам вскакивать с кровати и бежать на любимую работу, а не брызгать ядом на всех подряд только потому, что смелости не хватило что-то изменить в своей жизни.

– Деньги ты у меня брать отказалась. Где жить будешь? – голос отца стал тихим-тихим, как природа перед штормом. –

У Раевского поселишься? Так, кажется, у него сын нашелся, ты там лишней будешь. Или у Каратика?

— Я сняла квартиру, пап, — быстро ткнула в экран телефона, переключая звонок на видео. — Ну, посмотри сам! Одна комната, но мне и этого много, — я переключила камеру, чтобы провести для беспокойного папы экскурсию. — Хорошая кухня, свежий ремонт, новая мебель. Ты только посмотри на вид из окна!

Распахнула створки балкона, и в нос ударила солёная духота полуденного города. Звуки ревущих катеров, прибой, всплески волн, уничтожающих волнорезы, и стойкий гул толпы туристов. Уже конец августа, а народа меньше не становится.

— То есть нас с мамой ты не ждешь, я правильно понимаю, раз сняла однушку?

— Папуленька, — я перевела камеру на соседнее здание. — Это отель, и уверяю, что свободный номер для двух встревоженных родителей там найдут. Пап, ну давай начистоту?

Установила телефон на подоконник, а сама села в кресло так, чтобы папа видел моё лицо.

— Мне тут очень нравится. Я за лето заработала неплохие деньги, помогая обустроить дома Каратику и Раевскому, а еще офис его превратила в уютную юридическую конторку. Мне этих денег хватит на аренду до мая. Я все посчитала. И на еду хватит, даже если работу не найду.

— Вера! — отец схватился за голову. — Ты серьезно? Дочь

нефтяника снимает однушку в старом доме и работает после учебы в универе? Это из какой реальности сказка? Постапокалипсис? Хорошо. Я согласен. Оставайся там, но будь благоразумна! Для чего этот показушный демарш с отказом от финансирования? Я тебя что, обидел?

– Нет, папуль. Что ты! Я вас очень люблю. Очень! Но можно мне попробовать?

– Все, я вылетаю... – отец сделал жест, чтобы отбить вызов, очевидно, не успокоившись от моих аргументов.

– Нет!

– Да! – зарычал он в динамик так, что телефон шлепнулся. – Тогда компромисс, дочь моя невыносимая.

– Какой?

– Я беру на себя аренду жилья. Сам свяжусь с хозяином этой бетонной коробки. А вот если ты заартачишься, то полечу. У меня нет сил смотреть на слёзы матери, она же высохла тут вся уже! Ты обманула нас, сказала, что летишь на месяц, а сама? – папа покраснел от злости. Слова его были резкими, а это значит, что вариантов у меня не осталось. Мои родители, и правда, никогда меня не то что не обижали, они с готовностью принимались воплощать любое моё желание. И обижать их, особенно мамочку, у меня не было желания. Придётся соглашаться.

– Хорошо, – выдохнула я.

– Скинь мне контакт арендодателя, я сам с ним переговорю. Ещё у меня есть условие.

– Ну пап! Ты же говорил про компромисс!

– Это и есть компромисс, дочь. Твой брат тоже перебивается на побережье, поэтому считай, что именно он тебя и спас от силы родительского негодования. Ты должна каждые выходные появляться ему на глаза. Каждые! И не дай Бог пропустить ужин. Билет. Вокзал. Комната. Амбарный замок. Ясно?

– Ясно, пап. Ты только маме сам позвони. Расскажи, что разрешил!

– А что? Стыдно? – папа закурил и то только для того, чтобы скрыть улыбку.

– Есть немного...

– Она рядом, – папа кивнул, и в кадре тут же появилась заплаканная мордочка мамы.

– Мам, ну ты-то чего???

– Я что, двое суток рожала тебя, чтобы ты сбежала? Да? Чтобы бросила мать одну?

– Мам, ну ты же с папой?

– Эх ты... – она отвернулась, не желая смотреть на меня. – Отца, может, ты и не ждешь. Но я прилечу сегодня же. Сама посмотрю, как ты там устроилась. Ясно?

– Ясно, мам.

– Ну? Что тебе привезти?

– Себя привези, тут уж разберемся. Мам?

– А?

– Гульнём, пока папа далеко?

Из динамиков рванул дружный смех родителей, извещающий всех о тонком перемирии. До первого косяка. А значит, нужно быть осторожной.

Моя мама хоть и мягкая, но решительная ничуть не меньше отца. А это значит, что может появиться на пороге совершенно в любую минуту. Тут лететь три часа, а если на джете Куталадзе, то и того меньше.

Со скоростью света стала разбирать чемоданы, параллельно делая заказ на продукты. Если мама увидит пустой холодильник, то все, можно опять собирать вещи.

Через час квартира стала напоминать не убежище временного типа, а довольно уютное гнездышко. Я даже включила музыку, кружась по просторной комнате с шикарным видом на побережье. А через час с огромными глазами в квартиру буквально ворвался хозяин, совершенно запыхавшийся и красный от стресса. А за ним вошли какие-то рабочие. Они аккуратно сняли обувь и вдоль стенок стали пробираться к ванной, брэнча инструментами.

– Мы это... Кран поменять, – запыхавшись, прохрипел мужчина, пытаясь сделать нормальный вдох. Суду все ясно... Отец знает, за какие веревочки дергать, отсюда и предынфарктное состояние мужика. А ведь я неделю ему твержу, что кран в ванной подтекает, а гардеробная заполнена его вещами, которые он отказался вывозить. Просто запер на ключ и был таков.

Через сорок минут у меня появились и новый смеситель

в ванной, и просторная гардеробная, куда я спрятала остатки неразобранных вещей. С порядком перебарщивать тоже нельзя, маман быстро поймёт, что я готовилась.

– Чудеса...

Плеснув себе в бокал ледяной газировки, села в ротанговое кресло на балконе и открыла ноутбук.

– Мда... Пролетела я мимо работы, как фанера над Парижем, – в голове до сих пор бушевало негодование от встречи с Мятажным. Вот уж где фамилия оправдывает всю сущность. Он как буря. Она разворачивается внутри него, вскипает в крови, бурлит, клокочет, лишь изредка являя всю свою смертоносность в красивых зеленых глазах.

И мужик-то ещё такой зачетный. Высокий, поджарый, сильный. Мне редко нравились мужики, ну тут прям – БИН-ГО. Сто из ста.

Не было в нем смазливости, на которую у меня аллергия. Зато резкости – с излишком. Он же как острие лезвия. Шаг вправо, шаг влево – смерть.

Пальцы сами заплясали по клавиатуре, вбивая его имя в поисковик. Мне нужна информация, а у друзей промываться – смерти подобно. Сдадут меня братику с потрохами, и на этом закончится вся моя самостоятельная жизнь.

Сама разберусь.

Первая же страница местной и сильно желтой газетенки выдала мне все, что я хотела.

Тридцать девять. Скорпион. Владелец отелей, туристиче-

ских пароходов, парка тяжелой техники, строительной фирмы... Перечислять сферы деятельности, где звучала его фамилия, было бессмысленно из-за бесконечности простыни фирм и корпораций. Он, как спрут, заполнил своими клешнями все вокруг.

Да здесь к бабке не ходи, понятно, что его в этом городе знают даже деревья.

— Ладно, наверное, это к лучшему, что не срослось, а то о моей рукожопости все узнали бы раньше, чем я опыт получила, — почему-то пальцы продолжали крутить ленту, пока не наткнулись на одну занятную статейку.

Из груди вырвался всхлип разочарования. Женат...

— Женат???

Это та тупоголовая блондинка, бросившаяся искать вымышленного Илариона по салону его машины?

— Ну, Мятежный... Я была о тебе лучшего мнения, честное слово!

Глава 4

– Мам, ты серьезно? – хохотала я, совершенно позабыв о том, что время только шесть утра. Моя мама оказалась чуть медлительнее, чем я думала, но намного оригинальнее, чем предполагала.

Меня разбудил настойчивый звонок в дверь, а когда я открыла, то на меня, сонную и растерянную, рухнул мой тренажер по анатомии, он же скелет, которого я назвала Славиком. И вот теперь я уже двадцать минут не могла успокоиться, таская своего напарника по бессонным ночам из-за архисложных сессий по небольшой квартирке, пытаюсь найти для него достойное место.

– Тебя как в самолёт-то пустили?

– Папа договорился, и мне помогли взгромоздить этого уродца на соседнее кресло в джет Куталадзе. Правда, экипаж был совсем не в восторге. Твой Славик до сих пор меня пугает каждый раз, когда я открываю дверь в твою комнату. Вот и пусть живет с тобой! – как я и предполагала, мама первым делом после мытья рук пошла на разведку в холодильник. Где её, наивную, ждала кастрюля с куриным супчиком и забытые овощами и фруктами полки.

– Ладно, пусть воров пугает, – я установила стойку с бряцающим скелетом в нише прихожей.

– Главное, пусть нас не трогает твой Славик, – всплеснула

руками мама и умчалась дальше обыскивать мое убежище.

Я поцеловала скелет в холодную скулу, пряча от мамы улыбку. Мой Славик... Нет. Ты теперь будешь зваться Мятежный. А что? Он точно так же пугает меня до ужаса. Да и имя у вас одно на двоих. Так чего мелочиться? Ну, Мятежный, стой тут и охраняй нашу квартирку.

Мы ещё немного поболтали, а после моя ночная гостья благополучно задремала, а вот у меня сна не было ни в одном глазу.

Как мышка, натянула леггинсы, майку и, тихо попрощавшись со Славиком, выскочила из дома.

В лицо ударила утренняя свежесть, я замерла всего на мгновение, а после рванула на набережную, которую облюбовала для пробежек.

Никогда не питала тяги к физическим нагрузкам, но тут... Воздух был живой, полный ароматами и сладкой прелостью водорослей.

Проезжая часть была вымершей, пустой и тихой, лишь сонные автомобили жильцов тянулись лентой вдоль обочины.

Воткнула наушники, включила музыку и, скрутив волосы в высокий хвост, помчалась навстречу ветру.

В последнее время буквально кожей ощущала новую жизнь. Все было иначе. Не чужим, а новым. Манящим, привлекательным. Я как ребёнок, с подаренными бабушкой деньгами оказавшийся в отделе шоколада.

Но...

Я помнила, что этому ребёнку придётся сначала познать смысл слов «цена», а потом и термин «аллергия». С тех пор я и не ем шоколад.

В тумане бурчали катера, по пляжу бродили сотрудники ближайших заведений, очищая рыхлый песок от следов ночного загула курортников. А меня это не пугало. Я знала, что через сорок минут откроется рыбный ресторанчик, где улыбчивый официант Артур сварит мне кофе. Не в новомодной кофемашине, а в настоящей старенькой турке.

Когда до полюбившегося заведения оставалось рукой подать, нужно было лишь свернуть с прогулочной зоны, я буквально впечаталась во что-то.

Летела вниз лицом, как мяч, готовясь рухнуть на резную брусчатку.

– Черт!

– Сама позвала!

Меня уже отработанным жестом подхватили за руку, остановив позорное падение. Крепкая мужская ладонь сжимала локоть, и я вроде уже стояла на своих двоих, но вот сил или смелости поднять глаза не было. Смотрела на красивые длинные пальцы, вернее, на безымянный, на котором сверкал платиновый обод кольца.

– Доброе утро, Полторащечка, – мой несостоявшийся Босс выдохнул мне в район скулы, и за ухом пролетел табун мурашей. Я зависла над землей, удерживаемая его руками.

Колени стояли на земле, руки болтались, а его правая ладонь служила опорой где-то под грудью, подрагивая от ударов моего сердца. Лежала, как на подушке. Это как в йоге «собака мордой вниз». Только у меня «Верочка мордой в асфальт».

– Мой рост выше среднестатистического. Поэтому, Вячеслав Андреевич, ваши попытки добраться до моей истерики вновь не достигли цели, – уперлась ладонью в рыхлые кирпичики и оттолкнулась, усаживаясь задницей на пятки. Слава Богу! Поцелуя с асфальтом не произошло.

– Что ж ты, Грушенька, мне на пути-то постоянно попадаешься? – зацыкал Мятажный и приподнял на лоб солнцезащитные очки. – Так и норовишь в руки упасть.

Этот красавчик сидел на складном стуле прямо посреди прогулочной части набережной. Я даже опешила от оригинальности или эпатажности этой выходки.

Обернулась по сторонам, но город будто был мертв. Тишина и плеск волн. Лишь вереница черных джипов тарахтела двигателями у обочины, охраняя своего хозяина.

Я поднялась с колен, осмотрела себя и, чтобы перевести дыхание, прислонилась к высокому бетонному ограждению, за которым и скрывалась летняя веранда того самого ресторана.

Не стала отвечать на его вопрос. Не было у меня ответа, да и не нужен он ему был.

Со стороны этот взрослый, красивый мужчина выглядел ещё более странно. Он отвернулся, поняв, что на разговор у

меня нет настроения, и вновь уставился в горизонт, над которым уже полностью выкатилось солнце. Вячеслав поднял с земли почти пустую бутылку коньяка, сделал два добрых глотка и тихо рассмеялся.

– Отчество она моё раздобыла... Гугл в помощь, да? Или ты изначально знала, к кому шла ромашки сажать? Коварная женщина...

– Ромашка у вас и так растет, правда, грядка больше на могилку похожа, – я еле сдержалась, чтобы не чертыхнуться от обидного прокола. Ну, зачем я сдала себя? Он теперь будет думать, что я до ночи ковырялась по бесконечной паутине статей про него! Но ведь так и было... Я даже уснула в обнимку с телефоном. Все пыталась найти фотографии его жены, потому что поверить не могла, что такой мужик может взять в жены белокурую пробку.

– Не растет уже.

– А что так? Гадали? И как? Стоп! Я предположу – любит? Верно?

Но теперь была очередь Мятежного хранить молчание. Вид у него был странный. Молчаливый, задумчивый, он не испепелил меня своим едким взглядом. Он просто довольно вальяжно развалился на своем кресле, широко расставив ноги, и просто встречал рассвет в компании бутылки крепкого алкоголя.

Это ж сколько наглости нужно иметь, чтобы просто жрать конину в центре города, сидя на раскладном троне? Да по

одной его этой выходке уже понятно, что он из тех, вокруг которых крутится весь этот мир. Он берет то, что хочет, и никогда не парится о других.

Нет, надо держаться от него подальше. Задницей чувствую!

Тогда какого черта пялюсь?

Для чего скольжу взглядом по точеному профилю, вздрагиваю от малейшего движения его кадыка? Почему этот мужчина так волнует меня?

Нет, это бред. Наваждение. Девичья глупость. На принца он точно не похож, скорее уж на дракона. А я хоть и мало-хольная, но не настолько, чтобы не понять, что я не его поля ягодка. Вот только отчего так обидно? Сидит тут такой красивый, наслаждается пробуждением нового дня и совершенно не смотрит на меня?

– Мятежный был безмятежен... – выпалила я, в очередной раз забыв подумать о том, что несу.

Слава громко рассмеялся и всё же обернулся. В его зеленых глазах появилось что-то новое. Странное. Необычное. Он будто бетонную стену забыл выстроить, оттого и мысли казались такими прозрачными.

– Позавтракай со мной, Вера Выюник?

– А я с женатыми не завтракаю, – процедила и аккуратными шажками припустилась в сторону ресторана. Выдохнула, лишь когда расстояние между нами стало приличным. Бежала и улыбалась. Внутри будто шарик счастья лопнул, топя

мой взгляд в необъяснимых слезах.

– Завтра в десять жду тебя на объекте! – внезапно завопил Мятажный. От зычности его голоса сонные птицы взмыли с пушистых шапок пальм, а я лишь рассмеялась в голос.

Вскочила на летнюю террасу ресторана, лишь краем глаза в последний раз осмотрев его фигуру. Мятажный продолжал наблюдать рассвет, а потом вдруг дёрнулся, содрал что-то с руки и с силой выбросил в сторону моря.

– Нет!

Глава 5

Мятежный

– Дура!!! Тупица! Идиотка! – специально орал, чтобы выплеснуть все, что клокотало внутри подобно извергающемуся вулкану.

Я еще никогда не был так близок, чтобы ударить женщину. Никогда! Ладони пекло, в глазах появился туман ярости, и весь мир вдруг окрасился багряным цветом крови. Как зверь желал жертвы, хотелось просто расправиться с той, что испачкала самое ценное, что у меня было – репутацию.

– Ты себя на всю жизнь подписала! В шлэндрах теперь ходить будешь! Сука! Какая же ты сука!

Ирка стояла на коленях в центре моего кабинета и рыдала так, что хрустальные бокалы на барной стойке жалобно визжали. Она стирала подтеки туши, размазывая их по щекам, и не решалась смотреть в глаза. Весь её боевой раскрас превратился в грязь, месиво на палитре художника, под которым скрывается абсолютно гнилое нутро.

Скулила, как дворняжка подзаборная. Будто и не из известной в нашем городе семьи вовсе. В одночасье растеряла и гордость, и достоинство. Налицо лишь уродливое желание вызвать жалость. Эта же дура хваталась только за это! Ни одного внятного слова оправдания или попытки объясниться. Лишь подлая женская сущность!

Жена... Блядь! И эта дура была моей женой? Почему же была? До сих пор таковой является.

Прошелся подушечкой по внутренней стороне безымянного пальца и с удовольствием выдохнул от облегчения, что обода больше нет. Этот кусок металла стал колючей проволокой! Удавкой! Ранением, что пекло до сих пор... Как я мог так опозориться? Почему был глуп? Слеп? Почему позволил? Недосмотрел, не уследил.

Мне даже страшно представить, что было бы, не впрягись я в дело Раевского. С таким залихватским азартом принялся копать на Ляшко и Горького, что нарыл на собственный хребет.

Отсматривал записи с камер из ночных клубов на окраине города, куда постепенно смещал, Господи прости, бизнес Горького, вот там я и увидел свою драгоценнейшую женушку. Хранительницу моего очага и громкой фамилии своего отца, бывшего губернатора региона.

Сначала глазам своим не поверил. Поставил на паузу, выгнал всех из кабинета и отхлебнул водяры. И только когда горло знатно припекло, смог отжать гребаную кнопку паузы, чтобы с упоением наблюдать за блядством своей жены. Она с таким отчаяньем отплясывала на столе перед лысым мужиком, что аплодировать её скрытым талантам хотелось даже мне. Это было феерично! Обтянутая люксовыми брендами, она с пьяной похотью смотрела на какого-то безымянного утырка, собственно, с ним она и отправилась в приват-

ный зал.

Да, свадьба была обоюдно фиктивной. Её отцу нужен был нормальный зять, а мне – законная жена, чтобы избавиться от прессы журналюг, папарацци, отлавливающих меня по ресторонам с девками, ну и чтобы войти в дома самых известных персон региона. Не то чтобы меня без этого не пускали, нет. Просто на каждом таком рауте за мной охотились мамы, пытаясь втюхать своих дитяток, некоторым из которых и двадцати не было.

Гена педофилии во мне нет. Да и на хрена мне такое счастье? Слюни подтирать? Учить уроки перед сессией? Или подстраивать рабочий график под её каникулы? Или, быть может, детские дни рождения организовывать, приглашая всяких Моргинштернов и Кок? Ну, нет... Я пас.

Отцом ни в прямом смысле этого слова, ни в переносном я становиться не планировал. Уж слишком много дел ещё не сделано. Поэтому и выбрал дочку губернатора. Его я спас от позора, а себе прикрыл тыл. Ирке было уже тридцать, поэтому ванильные мечты были уже в прошлом, что сильно облегчало мне жизнь.

Удачная на то время была сделка.

Да и Ирка вполне недурна собой. Задница – как орех, ротик рабочий, да и ерепениться на стала, даже ради приличия. Покорно раздвинула ноженьки на первом же знакомстве, не требуя ни бриллиантов, ни шуб, ни квартир. Ей достаточно было и туалета в ресторане, чтобы показать все мастерство

оральных ласк.

Ну, если она – тупица, то я – попросту еблан.

Вот так, Мятежный. Как рога? Не жмут? А если и жмут, то никому до этого дела нет!

– Ты пожалеешь! – вдруг завопила Ирка и вскочила на ноги. Она, очевидно, поняла, что на жалость надавить не получится, поэтому перешла в атаку. – Отец тебя в бараний рог свернет!

– Ты ёбнулась, пока урке под столом отсасывала, что ли? – жжение в ладони усилилось.

Вскочил и рванул в её сторону, не зная, за что бы себя удержать, лишь бы не прибить эту мразь! Просто один взмах, и эта курва в мокрое пятно превратится. Я, как маньяк, представлял всю эту картину и буквально подрагивал от удовольствия.

– Твой отец продал тебя мне, лишь бы не признавать своего позорного банкротства. От вашего имени осталась только звучность. Вы оба живёте на мои деньги. Эти дома, тачки, шопинг в Милане и отдых раз месяц – это всё Я! Так чем ты решила меня пугать? А? Мне принадлежит весь город, дура, а тебе не подвластна даже собственная пиз... – я кое-как вовремя прикусил язык.

– Что? – Ирка внезапно поняла, что её план «Б» дал трещину, и отойти под крыло папочки не удастся, поэтому она вновь рухнула на колени, отчаянно сжимая мои руки.

Тянула, ползла, слюнявила по коже своим противным

языком, а я чувствовал запах чужого мужика. Накрывало спазмами тошноты, отвращения, разочарования. Наблюдал её позор, эти театральные всхлипы, лживые и щедрые извинения, которые уже ничего не могли изменить, и вырвал руки из её влажных ладоней.

Мне было противно! Гадко! Бр-р-р... Нет, я знал, что она не целка. Знал, что беру далеко не робкую лань, чтобы птенцов дома высиживала, но и блядину я не заказывал! Это ж сколько на моём темечке рога-то растут? Быть может, я уже того... Олень?

Меня просто разрывало на кусочки! Желание задушить её и вывесить флагом на вертолетной площадке было настолько реальным, что я был в миллиметре, чтобы не воплотить это в жизнь.

Это ж надо было меня так отхлестать? Опозорить! Ладно бы ферзю какому-нибудь дала, хотя бы слегка равному мне, но, сука, зрителю казино! Даже не владельцу, а пересидку с голубыми портаками на пальцах! Убью, мразь...

Я был так близок к падению... Смотрел в её безжизненные глаза, в которых не было ни капли сожаления, и готов был сжать её тонкую лебединую шейку, но двери кабинета распахнулись. Как вовремя.

– Мятеежник, блядь, – взревел Марк и схватил меня за локоть, оттягивая от Ирки на безопасное расстояние. Откинул к столу, а сам встал так, чтобы быть готовым разнимать в любой момент. Марк Сталь даже посмотреть на неё не хотел,

развернул голову, контролируя мои движения, и лишь скалился, слушая тупой жалостный скулёж мрази. – Отпусти ты её, пусть идёт с Богом.

– Слава! Ну, прости меня! – не унималась Ира, она ползла на коленях, пытаясь зацепить мои брюки длинными ногтями цвета бурой крови. Знала, что я на грани. Видела. Но вот чего нет в человеке, того нет. А не было в ней ни чувства собственного достоинства, ни меры, ни смелости признать, что проиграла. – Этого больше не повторится! Ну, хочешь, я тебе ребёнка рожу? Ну, хочешь, дома буду сидеть?

– От кого ты мне ребёнка собралась рожать? От утырка, отсидевшего за изнасилование? Или от швейцара? Ты охрану уже всю перебрала? Рожать она мне собралась! Через два часа от тебя и духу не должно остаться в моем доме. Ясно?

– В твоём доме? В твоём? Да я три года вокруг тебя на цирлах хожу, Мятежный! И что? Ты просто вышвырнешь меня?

– Не устраивай сцен, – меня вдруг отпустило. Жар схлынул, будто в купель окунулся, мысли посветлели, и взгляд стал такой чистый, способный увидеть в этой жалкой твари то, на что попросту закрывал глаза все это время. – Вставай, собирайся, и у тебя есть уже меньше двух часов.

– Я что, не знаю, что у тебя две бляди на квадратный метр этого города? – Ирка вспорхнула и так резко прыгнула к моему столу. Оперлась руками, склонилась, желая выплеснуть свой яд прямо в лицо. – Знаю. И прощала тебя, супруг

мой, потому что, в отличие от тебя, понимаю, что ангелов не существует. Ты ж нищеврод, поднявшийся из грязи! Тебя сколько ни отмывай, всё босяком останешься, как бы ловко ты не орудовал столовым ножом. И мысли у тебя босяцкие: чистота, честь, репутация. Сейчас это совсем не важно, Славик. Сейчас всех интересует, сколько у тебя бабла, и кто у тебя друзья. И как только сила на твоей стороне, то и достоинство тебе вымоют так, что жрать с него можно. Вот только тебе этого не понять. Ты ж нищеврод ментальный.

Я вдруг словил дзен. Будто курнул чего покрепче.

Сколько раз я слышал подобные слова! Сначала было обидно, больно, а потом зависть брала такая, что аж желудок в узел скручивался. Глотал ярость и рыл землю, чтобы закопать очередной бизнес придурка, решившего ткнуть меня носом в мое дерьмо. И не жалел. Никого и никогда не жалел. Гасил каждого, пока в городе не остались только те, кто признавал и мою силу, и преимущество. Ну, нет во мне функции слабости и прощения. НЕТ! Сотру в порошок.... С грязью смешая. Ни одного врага не оставлю. Сожру.

Да, я не родился с золотой ложкой во рту. Да, мой отец был машинистом, а мать всю жизнь бортпроводницей на железке отпахала. Но это не значит, что всякий придурок имеет право тыкать меня носом в данность. Этого уже не изменить. Это я и без них знал. Вот только стыдиться мне было нечего! Да, был никем, вот только в лицо этого теперь мне ни один здравомыслящий не скажет.

Гораздо обиднее, когда ты была звездой, славной дочерью губернатора, а теперь в шлюху превратилась, довольствуясь благами других. Вот это настоящая гадость. Это и есть духовная бедность, нищebroдство и нежелание иметь свою жизнь, а не подаренную на чужое бабло.

— У тебя остался час и сорок минут, Маркина. Все, что не успеешь забрать из дома, отправится в утиль, — я закурил и развернулся в кресле лицом к панораме вечернего города. Смотреть на бесстыдство своей бывшей жены меня сильно утомило. А когда хлопнула дверь, дышать вдруг даже легче стало.

— Ты все сделал? — я повернулся к Марку, осматривая его серое от мыслей лицо.

— Да, завтра выдадут свидетельство о расторжении брака.

— Очень медленно ты работаешь. Очень, — я пускал под потолок кольца дыма, а сам думал о другом...

Вот жизнь моя опять качнула свой маятник, сталкивая с продажностью и грязью, а мозг упорно отказывался думать, лишь картинки той девчонки подкидывал. И в носу вновь запах её кожи вспыхивал.

Странная. Живая, упорная, а в глазах огонь. Эта никогда бы не встала на колени перед мужиком, будь даже сто раз неправа. Не... Никогда. Она знает себе цену не потому, что продажная, а потому что бесценная для себя.

Но девчонка...

Молодая, сочная, как яблочко наливное. Говорит и не ду-

мает. Просто палит, как из ружья. Я, вроде, терпеть этого не могу, а её прям слушал, да ещё и провоцировал, питаюсь её теплом и искренними эмоциями. Что ты за зверь такой, Грушенька?

– Висит груша, нельзя скушать, – пробормотал под нос, наблюдая, как на эвакуаторе увозят тачку бывшей жены. А скушать пиздец как хочется...

– Это понятно, что медленно. Ты когда похвалишь-то? Слушай, ну на похоронах хоть речь трогательную толкнёшь? Расплачешься? Погорюешь по-киношному? Ну, типа... На кого ты меня, Маркуша, оставил? – Сталь усмехнулся и сел в кресло. – Кстати, Мятежник, а зачем ты её погнал в дом, если ещё утром все шмотье отцу отослал?

– А пусть ходит по пустым коридорам. Кстати, продай эту халупу. Я больше и шага в неё не ступлю...

Значит, Груша, ты отказалась с Мятежным завтракать? Зараза...

Глава 6

– А ты чего это загадочный такой? – Марк крикнул секретарше, чтобы кофе подала, и сел на диван, уж слишком пристально всматриваясь в моё лицо. – Ну? Что задумал? Колись, я же вижу, весь на иголках, и глаз сверкает похлеще брюлика.

– Сталь, а ты не слишком любопытен? А? Или это твоя блядская профессия отпечаток оставляет? Так я быстро сожгу твоё издательство к чертям собачьим, – рыкнул, хотя прекрасно понимал, что сейчас мой друг детства, Марк Сталь, ещё больше утвердится в своих догадках. Собственно, так и вышло. Он загоготал так, что Ляся, моя секретарша, вздрогнула, расплёскивая кофе по серебряному подносу. – Прости, милаха, не хотел пугать. Босс у тебя умишком тронулся, ты заметила?

– Ничего страшного, – блондинка выдавила улыбку и как мышка выскочила из кабинета.

– Точно, Мятёжник. Ты что-то задумал! Ну не влюбился же, ей Богу?

Марку позволялось всё. Мы с ним вместе выгребали из гнилого барака. Сталь рванул в столицу получать высшее образование, а вот я пошёл самой сложной, но при этом самой короткой дорогой. Мы с пацанами заняли денег, открыли таксопарк и стали душить бомбил-одиночек, перемани-

вая под своё крыло. Но мне этого оказалось слишком мало.

Мои партнёры очень быстро превратились в балласт, им не нужен был рост, им нужен был комфорт, молодая жена и табун отпрысков на лужайке своего особняка. И как только я им всё это дал, то попросту сожрал весь бизнес. Всё забрал, оставив им лишь небольшой поток денег, которых им хватит до конца их дней. А вот дальше началось самое интересное.

Судьба так благоволила, что двери перед моим носом открывались, маяча перспективами. Нет, я не ангел. Нет во мне кристально-чистой репутации, всякого пришлось увидеть, всякое пришлось делать, но ведь выгреб? Выгреб. Правда, паутиной опутал весь город, перекрывая воздух любому конкуренту. Не нужны они мне тут. Это мой дом. Так оно и будет!

Когда Сталь вернулся в родные пенаты, то уже от того Мятежного не осталось и следа. Марк сначала спасовал и не решился стукнуться к другу, наслушавшись баек и про мою жестокость, и про корону, выросшую слишком быстро. Но мне-то он был необходим как воздух.

Чтобы контролировать город, мне нужно быть в курсе всего, что происходит. А как это сделать? Правильно... Так у Марка появилась первая газета, на которую я дал ему денег. Правда, друг довольно быстро вернул мне всё до копейки, а дальше сам стал землю грызть, чтобы вытравить крупный конкурентов со своего пути.

Хороший у нас тандем.

Отличный.

Холостые, безбашенные, жадные до жизни.

Но есть и минус. Читаем мы друг друга с одного взгляда. Чем сейчас и занимался Сталь, буравя своими прозрачно-голубыми глазами. Падла!

– Слышь, ты, психоаналитик без диплома, завязывай меня песочить и приступай к рапорту. Нашёл того, кто купил фотографов? В жизни не поверю, что они случайно оказались в кабинке туалета, а не специально пасли Раевского, – я встал из-за стола и направился в комнату отдыха. Содрал с себя одежду, от которой разило Иркиными духами, швырнул ее в мусорное ведро и переоделся в джинсы и футболку.

Появление в городе друзей моего детства сильно перетасовали планы. Сначала напрягся, потому что уже лень было рассеивать внимание на чужаков. А двадцать лет, что мы толком не виделись, определенно делают даже из самых близких людей чужаков. Но позже понял, что с ними при правильном раскладе проблем не будет. Раевский, довольно известный юрист, способный вытащить твою задницу из любого дермища. Ну, а второй – Костя Каратик, и вовсе сын нашего бессменного мэра, вернувшийся после длительного отсутствия, чтобы занять место папки. Ну что за компания? Чудо чудное, да и только.

Выгодно?

Безумно.

Приятно?

Ещё как!

Этих мужиков я прекрасно знал, а значит, и надеяться на них можно. Осталось только затянуть в свою паутину, и дело в шляпе. Благо с их появлением вокруг этих двух происходит слишком много событий, в которых без моей помощи им уже не выпутаться. Как удачненько!

– Конечно, – Марк последовал за мной и теперь попивал кофе, осматривая гардеробную. – Это Гришин, у него адвокатская контора через две улицы от помещения, что снял Раевский.

– То есть не бабка Марта?

– Неа, – уныло протянул Марк. – Скучная борьба конкурентов. Гришин просто писец как боится, что Раевский теперь всех клиентов перетянет. И, кстати, правильно делает! Я изучил твоего дружка вдоль и поперёк, Слав.

– И?

– Страшный человек. Нет, он машина по пережевыванию бюрократии. У него пугающая статистика по делам! – Марк всплеснул руками. – Если он узнает, что фотограф из моего журнала, то мне крышка!

– Конечно, крышка. Готовься, на ближайшие месяцы ты сильно обеспечен сексом с судебными исками о защите чести и достоинства. А я тебе говорил, что твои гаврики вкрай охамели и «левачат» по заказу. Говорил? Говорил. А ты мне что ответил? Напомнить? – я снова закурил и сел на диван, раскладывая фотографии, что Сталь успел в последний мо-

мент изъять из типографии, готовящей спецвыпуск желтой прессы. Слава Богу, успели, а то Раевский бы и мне жесткий трах в стиле БДСМ организовал.

– Ну, напомни, – друг не любил признавать свои ошибки. Но зато он любил своё дело.

Его журнал «Штиль» был для него всем. Сталь работал сутками, чтобы завоевать доверие, чтобы вычистить страницы от желтухи, создав для этого мусора небольшие газетёнки. И спустя несколько лет регион оказался полностью покрыт его новостной лентой. Он творил и события, и моду. Мог сделать местной звездой любого, а с помощью «желтых деток» мог растоптать даже самого невинного человечка. И это Марк говорит мне про страшного человека Раевского? Брехло, или просто скромняга.

– А ты мне ответил, что не станешь ограничивать свободу творческих личностей. Ну? Снимки, как Ирка отсасывает лысому, тожепустишь в статью? А чего? Зачем ограничивать?

– Я че, смертник? – прыснул Марк. – Живи спокойно, друг мой Мятежный.

– Спасибо за заботу, – я цыкнул, ещё раз глянул на вечернее небо и улыбнулся. Моей злости нужно дать выход... – Но проучить твоего задрота придётся.

– Да проучил я его уже! Он остался без премии, без аккредитации на самые громкие события года, ну и фотоаппарат у него нечаянно упал в унитаз, – Маркуша захихикал, как па-

цан, а у самого глаза засверкали азартом. – Чё? Не убедил? Все равно шалить идём?

– Идём. Где он? – я буквально сорвался с места, смахивая с консоли кошелек и телефон.

– Сегодня в «Хаусе» студенческая вечеринка, наверное, там тусуется, – Марк стянул со спинки кресла свою кожанку и рванул следом, на лету прощаясь с Лясей.

– Первокурсниц клеит?

– Ага, щас. За это ему не заплатят, он там папенькиных дочек и сынков караулит. Кто-то да попадётся за травкой, непотребством или дракой. Золотая жила!

– Какая у вас работа хорошая, – почему-то веселился, сбегая по лестнице в подземный паркинг. – Один я, как приду-рок, то по локоть в мазуте, то в грязи, то в машинном масле. Ну что за несправедливость, Марк?

– Я так понимаю, что мы едем устранять её? – ржал Сталь, приветствуя моего начбеза Костю Володина.

– Верно понимаешь. Кость, мы сегодня по-тихому покатаемся, без кортежа, – взял из небольшой комнатки ключи от «ровера». – Отпускай мужиков, пусть вечер с семьями проведут.

– Вячеслав Андреевич! – возмутился Володин. – После вашего прошлого «покатаемся» пришлось к Кондрашову на поклон идти!

– Ну, ничего страшного, – хлопнул старика по плечу, ощущая, что в нем уже нет былой стойкости. Тяжело ему. Столь-

ко лет со мной из дерьма выгребал и грудью прикрывал мою шкуру. Отблагодарить надо, да и на отдых отпустить, вот только где начбеза найти нормального? – Сходишь ещё раз, не сломаешься. Кондра нормальный мужик.

– Есть, Босс, – крикнул Володин и махнул охране, чтобы открыли ворота паркинга. – Не шалите там сильно.

– Ленивый ты стал, Волоша, за боссом кровь не хочешь отмывать?

– Блядь, – Костя уронил голову, узнав этот азарт, от которого меня буквально подбрасывало. – Я на связи, шеф.

– Фу, как немодно, – Марк запрыгнул на пассажирское сиденье. – Костя, щас все говорят «на циферках».

– Да хоть на буковках, Марк Анатольевич. Только позвонить не забудьте, а то пока циферки вспомните, уже и буковки не сможете выговорить, – рассмеялся Володин.

– Чао!

Двигатель взревел, нога так приятно ощутила сопротивление педали газа, и мы резко выскочили на центральную улицу, нагло вклиниваясь в поток усталых водителей.

– Волоше дом тот отпиши, – махнул на прощание грустному начбезу. – Пусть внучков в бассейне купает.

Глава 7

Верочка

Я сбежала по длинной веренице мраморных ступенек, ощущая какой-то детский восторг.

Новый универ. Новые лица. Да все новое!

Нет тебе пристального взгляда отца и братьев, нет ледяного дуновения ветра, от которого даже в сентябре разило приближающейся зимой. Климат мягкий, оберегающий горожан от депрессий и необходимости кутаться в куртки раньше времени.

Крутанулась перед огромным зеркалом в фойе, оправила свою белую плиссированную юбочку, еле сдерживая игристый смех. Ну что за чудное настроение? А это потому, что не надо чахнуть в путаных коридорах медуниверситета и подыхать на нудных парах, прекрасно понимая, что это не моё.

Да, хотела поступить. И поступила! Сама, без помощи отца и его связей. Но ещё на первом курсе поняла свою ошибку. Такие профессии, как врач или преподаватель – это скорее призвание, нежели взвешенный выбор. Не хотела бы я лечь на стол к хирургу, что всю жизнь мечтает плести макраме. Вот и я не стала рисковать чужим здоровьем. Буду красить стены и рыться на барахолках. А ещё научусь выращивать ромашки. Не так оригинально, как у Мятежного, конечно, но всё же.

Осталось только обжиться в городе и придумать, как залезть в тусовку дизайнеров. Эти недотепы с моего курса ещё не думают о будущем. И даже не догадываются, что к моменту их дипломной работы самое вкусное место работы будет уже у меня. Мамой клянусь. И Славиком. А значит, пора шевелить булочками.

Снова осмотрела себя в зеркало и накинула джинсовку.

Наверное, стоит быть чуть поскромнее, а то врагов себе наживу быстрее, чем друзей. А без них тоже нельзя. Я же новенькая в уже сплоченном потоке. Благо с помощью отца мне засчитали первый курс, зачислив сразу на второй. Ещё бы! Прослушанных часов хватило бы и на третий, но ректор упёрся, а я не стала плешь папкину трогать. И так нормально. Знания – свет. Вот к нему и буду тянуться.

– Вера! – женский визг застал меня почти на выходе. Я обернулась, наблюдая, как в мою сторону мчатся три девчонки. Блииин. Пусть только представятся, а то я только делала вид, что слушала. Неудобненько получится, ей Богу!

– Я Аля, – вышагнула вперёд самая смелая и самая рыжая из компании. – Это Кира, а это Сашка. Сегодня пятница, и у нас традиционный поход в клуб, чтобы отметить начало учебного года. Будет весь поток факультета, мы будем рады, если и ты к нам присоединишься.

– Отлично. Обожаю тусовки, – соврала я, подавляя тоскливый вздох. Моя мечта провести вечер в тишине своей квартирки за книжкой и чашкой горячего какао стремительно трещала по швам. Но друзья мне не помешают, поэтому придется притвориться девочкой-зажигалкой. – Где? Во сколько? Дресс-код?

– Клуб «Хаус», в десять. А тема простая – супергерои, – Аля, очевидно, была самая главная в этой компании.

Я быстро осмотрела каждую, подмечая мелкие детали, которые могли мне выдать что-нибудь интересненькое. Блон-

динка, брюнетка и рыжая. Классика гремучей тройцы?

– Ну ладно, супергерои, так супергерои. Вы как? Халк, Росوماха и Женщина-Кошка?

– А ты забавная, – рыжуха наигранно рассмеялась и, помахав мне пальчиками, умчалась в сторону деканата вместе со своей свитой. – До вечера!

Боже... Девки, там, где вы учились гадить, я уже давно преподавала. Да по этой сплоченной команде змеюк видно, кто есть кто. Аля из обеспеченной семьи, об этом вопят бренды её шмотья. А вот другие две пиявки обычные, даже не лечебно-аптечные. С них и начнём-с.

Я ужаленным гепардом рванула в сторону своей машины, завела двигатель. С тоской осмотрела тяжелое серое небо и поёжилась от промозглости. Сглазила, блин, погоду...

Телефон, как сумасшедший, разрывался с самого утра. Сплошные незнакомые номера, причем каждый раз разные. Но я почему-то из внутренней вредности не брала трубку. Папа всегда говорил, что тот, кто хочет тебе что-то сообщить, непременно напишет. Ну не в каменном же веке живём?

Так тщательно на тусовку я ещё никогда не собиралась. Кожаные шорты, чулки в сетку, закрытый, но облегающий боди, чтобы уравновесить слишком дерзкий низ, ну и ботинки на грубой подошве. Накинула куртку и помчалась, поцеловав напоследок Славика.

– Дождись меня, милый, тогда разрешу подсмотреть, как

я принимаю ванну.

Заведение находилось довольно далеко, пешком идти было не вариант, особенно в таком прикиде, а с алкоголем я на вы, поэтому, даже не раздумывая, взяла машину.

Я уже сильно опаздывала, а в этом городе просто так парковку было не найти! В последний момент свернула в переулок, затормозив на служебном паркинге, где как раз было одно свободное место. Схватила сумку и выскочила, вдруг осознав, что у этого гениального решения есть обратная сторона. Я оказалась в совершенно тёмной подворотне, где даже собственные шаги могли напугать до ужаса.

Шла вдоль стеночки, держа в руках маленький баллончик лака для волос, который не раз выручал мою задницу из передряг. Я однажды похвасталась братикам, что купила перцовку, чтобы защищаться, а они устроили скандал, изъяли мое средство самообороны, утверждая, что первой от него пострадаю я сама.

Я уже хотела было рассмеяться, вспоминая наши практические занятия, в которых чуть не ослепила Вовку, как услышала странные звуки прямо за углом. Притаилась и практически дышать перестала.

– ... Да я тебя урою! – гремел мужской голос, больше похожий на вой раненого зверя. В нём было столько ярости, злости и животной угрозы! По моей коже поползли мурашки, сердце уже не билось, оно вибрировало, как сломанный моторчик, рискуя перегреться в любой момент.

– Я всё отдам! Мне ничего не нужно, просто отпустите меня... Если хотите, я уеду из города, вы меня больше никогда не увидите! – второй голос был тоооненьким, лишенным мужского шарма, и очень испуганным. Я вдруг так остро ощутила ужас, что душил бедного парня. Мрази и уроды! Сколько их там? Толпа? Чёрт! А я одна...

– Ты думаешь, просто так можно уехать? – меня в жар бросило от яростных ноток в голове «бандюги». Фантазия так щедро обрисовывала картину предстоящего убийства, что дышать было невозможно! Его убьют на моих глазах? И я ничего не сделаю?

Глухой звук удара испугал меня до жути. Еле успела закрыть рот ладонями, чтобы не выдать своего присутствия. И решение родилось само!

Я пулей вырвалась из-за угла, выставив баллончик перед собой, и, недолго думая, нажала на спуск, направляя струю прямо в глаза обернувшегося в мою сторону бугая. Он мгновенно закрыл глаза, выставляя ладонь перед собой. Но так как опыт у меня был, то и я зажмурилась, стараясь не дышать.

Видела эту банду всего одно мгновение. И не толпа их, кажется, была, а всего двое. Но такие здоровые, как гориллы в местном зоопарке. Второй стоял поодаль, вальяжно подпирая стену, а вот самый страшный нависал над своей жертвой, как хищник.

– Блядь! – раздалось так громко, что перепонки задрожали.

ли. В тоненькую щелку век увидела, как падает капюшон его толстовки, обнажая длинную татуировку, скользящую от затылка к спине.

Вот сейчас я была рада, как никогда, что выбрала ботинки, а не классические шпильки. На них бы я не убежала точно! Шагнула по памяти, продолжая жмуриться, чтобы не обжечь слизистую глаз. Резко повернулась и бросилась бежать, не оборачиваясь, вслушиваясь в суету за спиной. Быть может, бедный паренёк успел убежать?

Какая Верочка молодец! Спасла бедолагу, которого запугали эти два гопника.

Вроде, центр города, да и 90-е уже давно забылись, но придурки ничего не боятся.

Я ещё долго вздрагивала от смачного мата, неистового ора и тонны проклятий, летящих мне в спину, но ни на секунду не останавливалась. Убегала, чтобы и самой не оказаться в лапах этих мерзавцев. Сердце замирало от странного приближающегося звука... За мной бегут? Чёрт!

Глава 8

Влетела в двери клуба и выдохнула, натыкаясь на трёх амбалов, дежуривших на входе. Дыхание было сбито, сердце просто ломало рёбра, а падающий уровень адреналина обнажал страх.

Боже... Я что, напала на бандитов? Одна? Дура! С такими темпами отец очень скоро приедет по мою душу. И даже не дослушав, упакует в бандероль с известным адресом.

– Ой, дяденьки, а как вы думаете, за женщину заступаться благородно? – с придыханием выдавила я, прижимаясь к ним совершенно бесстыже.

– За женщину – да, а вот ты, деточка, гони паспорт, а то родителям позвоним, – огрызнулся начальник службы безопасности, вышедший из каморки сбоку. Мужчина пил кофе из крошечной чашки и осматривал меня с ног до головы.

– Пф-ф-ф... Да пожалуйста, – я протянула документ, желая, чтобы эта процедура прошла как можно быстрее.

– Проходи.

Кое-как выдохнула и скрылась за плотной бархатной драпировкой, за которой пряталась красивая кованая лестница, ведущая в основной зал клуба.

А тут ничего... Весьма недурно. Двухуровневый зал, парящие на возвышении приваты, несколько сцен и извилистая барная стойка, рассекающая помещение надвое. Клуб мало походил на те забегаловки, в которых было принято проводить студенческие тусовки.

В ушах завибрировало от громкого «тыц-тыц», а грудь сжало в предвкушении веселья. Да, наверное, нужно с кем-нибудь подружиться. Я хоть и домосед жуткий, но раз в год и Выюник стреляет.

Спрыгнула на предпоследнюю площадку, распахивая толпы целующихся парочек, и стала осматриваться. Куда идти-то – везде дрыгаются, орут и пускают под высокий сводчатый потолок сладкие клубы кальянного дыма! Быть мо-

жет, это шанс улизнуть домой? А что? В клубе я была? Была. Считай, программа минимум выполнена. Но я даже не успела растеряться, как справа послышался уже знакомый визг.

Ну, естественно, вся троица в сборе. И стоит ли говорить, что ни одна из них и близко не была одета в стиле супергероев. Они, как под копирку, были обтянуты бархатом неуместно элегантных платьев, и лишь Алю до кучи выделяли дорогие цацки, правда, их было так много, что стало страшно за её тонкую шейку и позвоночник. Хотелось блеснуть знаниями в медицине и пообещать ей неминуемый сколиоз, но не стала. Пусть кукожится, на здоровье. Понты, в её случае, намного дороже здоровья.

– А я оценила вашу шутку, – усмехнулась и гордо прошла мимо, окидывая взглядом веселящуюся толпу. Так, некоторых я уже знаю, но всё же придётся знатно попотеть. Девчонки на курсе было совсем немного, в основном пацаны, не сумевшие поступить в технарь, но так даже веселее. – Всем привет! Я новенькая. Меня Вера зовут.

Я знала о себе всё. Принимала и силу миловидной внешности, и отличную фигуру, которая досталась мне от мамочки, а умение приспосабливаться, как говорят братья, спасут меня даже из самой безвыходной ситуации.

Вот на этом и поедем. Ну, кошечки, хотели со мной поиграть? Тогда не обижайтесь, мои милые двоечницы. Не надо было трогать Верочку Выюник, тогда бы и она не тронула вас.

Следующий час моей жизни был абсолютно бесполезно

потрачен на то, чтобы очаровать всю мужскую половину компании. В этом не было ничего трудного, особенно для меня, выросшей в семье, где три брата и отец-цербер. Хочешь иметь личное пространство – умей и шевелиться в темпе вальса.

Да и заинтересовать мужика – дело трёх секунд. Взмах ресниц, улыбка, скрытый комплимент и лёгкое прикосновение. Вуаля... И он уже думает, что один такой неповторимый, и ты непременно в него влюблена с первого взгляда. Самое трудное – удержать внимание на себе.

– Лариса, – самая необщительная из девчонок вдруг села на диван рядом, протянула руку, крепко пожала и, лопнув мощный пузырь жвачки, подмигнула. – Знатно ты Альку осадила. Она полчаса всем пела, что нас ждет грандиозный сюрприз от неё и конфуз от тебя. Короче, если хочешь, сиди на парах со мной. Люблю безбашенных.

– Как приятно, – я внезапно приснула смехом от такой прямоты. – Ладно, сяду.

– Тогда адъёс, мне пора, – моя новая знакомая взбила короткие волосы цвета вороньего гнезда, накинула косуху и умчалась вверх по лестнице.

Посматривала на часы, уже думая лишь о том, как бы тоже свалить поскорее. Но вот проблема в том, что идти мне придётся через тот самый переулочек, а этого делать ой как не хочется. А вдруг они меня там караулят? Я даже встряхнула баллончик, понимая, что опустошила его полностью.

– Грустишь? – высокий плечистый блондин давно пялился в мою сторону, то ли ожидая, пока я накидаюсь, и моя оборона превратится в труху, то ли думал над тем, как подкатить пооригинальней. Он крикнул издалека, а когда поймал мой взгляд, то абсолютно по-киношному оттолкнулся от зеркального столба и двинулся в мою сторону. Пижон, мля... Типа, смотри, как я красиво ходить умею. Мамке пусть хвастается, а меня это никак не вдохновляет. – Меня Лёша зовут.

Алёша, блин... Уже двадцать, а все Алёшей представляет. Я мысленно вычеркнула эту особь из своего списка мужчин. Он там явно лишний.

– Аня, – я пожалала плечами и присосалась к безалкогольному коктейлю цвета морской лазури.

– Ох, Вера... Алька права, ты крепкий орешек.

– Ой, не заливай, Алёша. Сомневаюсь, что рыжая именно так меня охарактеризовала. Скорее всего, сукой назвала, это как-то больше похоже на правду, – я в какой-то момент поймала пристальный и полный ревности взгляд Али, а это же для меня не что иное, как команда ФАС. Развернула корпус, перебросила ножку и, уложив голову на руку, стала притворяться тающим пломбиром под его голубыми влажными глазками.

Молодой, ещё совсем зеленый и очень смазливый. Я таких терпеть не могла. Одно дело, когда девочки этим пользуются, но совершенно другое, когда мужики. Фу и бр-р-р.

– Не без этого, – он рассмеялся, раскинул руки по спинке кожаного дивана, будто не специально проскользнув по моему плечу подушечками пальцев. Если б эта рыжая стерва, дрыгаясь на танцполе, не смотрела, то я бы вывернула ему руку, а так пришлось терпеть. Лишь бы насолить. Уж очень её предынсультные судороги мне нравились. – Ты ж обломала ей розыгрыш. Мы всех новеньких так разводим. Не, ну прикольно же? Пришла бы сейчас Зеной – королевой воинов.

– Действительно, приколы, – отчаянно хлопала ресницами, лишь бы не показать скуку во взгляде.

Ещё пять минут общения, и меня стошнит. Пора действовать, иначе мне не вырваться. Мой инструмент влияния на рыжуху сильно поплыл. Вот и взгляд какой-то осоловелый и наглый, так смело скользящий по коленкам, и рука, что резкими толчками падает со спинки дивана в наивной попытке обнять.

И этот наглый Алёша явно добился бы результата, если бы в центр моего воспаленного мозга не прилетел смертельный снаряд...

– Грушенька, милая моя, здравствуй, – знакомый голос прозвучал как хлопок хлыста. Музыка в ушах стихла, сердце замерло, но всего на мгновение... А после стартануло загнанным скакуном. Я напряглась, понимая, что он за спиной, а значит, есть время, чтобы настроиться. Ну как так-то? Ну почему опять он?

– Вы, Вячеслав Андреевич, следите за мной? – рука, ей

Богу, сама пробежалась по колену, минуя нахально близкое расстояние к однокурснику.

Я даже не успела коснуться его запястья, как сзади раздался рык, а в следующее мгновение Алёша подозрительно резко стал отдаляться. Парень взмахнул руками, пытаясь найти опору, и уцепился в последний момент, буквально за несколько сантиметров до конца дивана.

– Ты что ж такой неуклюжий-то? – Мятежный рысак перемахнул через спинку и плюхнулся прямо между нами, заполняя собой все свободное пространство. В отличие от Алёши, Вячеслав даже не пытался замаскировать свои замашки, просто шлепнул руку прямо за мной. – Аккуратней быть нужно.

– А вы кто? – Лёша раскраснелся. Ещё бы! Все происходящее было очень унижительно.

– А Вы кто?

– Я первый спросил!

– А я с незнакомыми не разговариваю, мама так учила, – Вячеслав смотрел куда-то вдаль, отбивая ногой ритм музыки. А мне оставалось только любоваться его профилем... Красивый, точеный, как любимое творение скульптора. Его глаза просто завораживали, глубоко посаженные, полные эмоций и сверкающие, как новогодняя ель. – Ты, Грушенька, на работу чего не вышла? Прогул? Отгул? Больничный лист? Или записка от мамки? Давай, гони аргументы, а то дышать от обиды невыносимо больно.

– Ой! А вы что, ждали, да? Или просто не выносите отказов? – нервно усмехнулась я, ожидая, что он обернется в мою сторону, но нет... Он смотрел куда угодно, но только не на меня. – Я же сказала, что работать у вас не буду.

– Простите, но у нас не курят, – в нашу сторону двигалось двое охранников, тех самых, что стояли на входе, когда я вошла. И вид у них был максимально грозный.

Вот! Бинго! Сейчас его прогонят вместе со своим шармом, очарованием и странной аурой поглощающего меня хаоса. Да по рукам до сих пор мураши гуляют, а ведь это он даже не посмотрел на меня. Просто сидит рядом и даже не касается, гад такой...

– Глупости, полторашечка, – Мятежный лениво обернулся на голос, и мужиков буквально ветром сдуло. Здоровяки врассыпную бросились в толпу, как трусливые зайчишки. Да я бы и сама умыкнула за ними... Как только посмотрела в его красные, чуть припухшие глаза. Лёгкие огнём ошпарило... Шлёпала губами, пытаюсь найти в голове хоть что-то разумное.

– Это ты??? Ты был на парковке?

Глава 9

– Это ты??? Ты был на парковке? – я машинально стиснула ремешок сумки, в которой до сих пор лежал баллончик с лаком.

– А ты безбашенная, Верочка. Никого не боишься, бросаешься в пламя, не думая о собственной заднице! – Сла-

ва вдруг резко подался вперёд, практически упираясь лбом, чтобы я получше рассмотрела повреждённую слизистую его глаз. — А если бы тебя поймали? Тебе голова дана, чтобы думать, а не чтобы волосы на ней носить!

— Так я же убежала!

— Ты убежала, полторашка, потому что я узнал в чокнутой ту милую девочку, потерявшую Иллариона, — Мятажный не говорил, он хрипел, издавая какие-то грозно-утробные звуки, от которых кровь сворачивалась. Потом он как-то резко дёрнулся, обернулся в сторону поникшего Алёши, что даже пошевелиться боялся. — Ты часом не Илларион?

— А кто это? — Алёша реально сидел на самом краю, строя глазами в танцующую толпу пьяненьких студентов, словно на помощь звал.

— Понятно. Отбой тревоги. Трясись давай дальше, — Мятажный махнул на него и вновь со свойственной себе резкостью обернулся в мою сторону. Чёрт... Ему бы компресс не помешал. И капли, что ли... А лучше пусть шурует к офтальмологу, а не сидит тут, упиваясь моим стыдом.

— Что? Вы расскажете о произошедшем Вадику? — выдохнула я, понимая, как эпично и ярко закончилась моя свободная жизнь.

— Грушенька, прекрати прыгать с вы на ты, это уже смешно. Кстати, и братцу я не скажу, если на работу выйдешь.

— Это шантаж! — взвыла я, пытаюсь отодвинуться от него как можно дальше. Рядом с ним невозможно дышать, воздух

трещит и искрит от сильного напряжения. Я отворачивалась, лишь бы не смотреть в глаза, лишь бы не тонуть в пламени его ауры. Но... Слава стиснул мое запястье и снова вернул на место.

– Сидеть!

– Я тебе что – собака? И вообще, что это за команды? А?

– Ты заноза, что так и норовит влипнуть куда-нибудь. Считай, что я взял на себя покровительство. О, точно! Пионером буду, сошьёшь для меня красный галстук?

– Надо мной? – я ёрзала, пыталась освободить кисть, но Мятёжный так легко перекинул руку за меня, а потом подтолкнул, практически прижимая к своему крепкому телу. Наверное, со стороны мы выглядели как страстная парочка, обжимающаяся на виду у всех. Но по факту меня взяли в плен. Нагло и самонадеянно.

Потянула носом, вдохнула сладость мужского парфюма, и голова вдруг закружилась... Картинка поплыла, потеряла четкость, а глаза прилипли к затылку, откуда тянулась та самая татуировка, скрывающаяся в ворота его кожаной косухи. Что там такое?

Моя рука дёрнулась инстинктивно, я хотелось прикоснуться к краю грубой кожи и отогнуть, чтобы увидеть рисунок. Но Мятёжный будто мысли мои прочитал, шикнул, как на непоседливую кошку, и прижался спиной к дивану.

– Конечно, – он махнул кому-то, и я даже не успела «мяу» сказать, как слева от меня приземлился незнакомый мужчи-

на и, очевидно, тот самый напарник, что стену подпирал.

– Здрасьте, – я обернулась, сталкиваясь с прозрачно-голубыми глазами. – Помогите! Вы же видите, меня удерживают силой.

– Ничего я не вижу. А друг мой вообще ослеплён вашим очарованием, – второй тоже закурил и стал осматривать зал. Я знала этот взгляд. Он словно сканировал пространство, активно разыскивая для себя предмет обожания. – Кстати, меня зовут Марк.

– Наташа, – выпалила я, за что получила тычок в бок.

– Врать нехорошо, полторашечка. Какая же ты Наташа? Все Наташи милые, скромные, правда, вечно опаздывают. А ты Груша. Это с первого взгляда понятно, – Мятажный махнул официанту, и на столе мгновенно прибрались, а еще через мгновение появились и фруктовая нарезка, и бутылка коньяка. – Тебе купить пирожок с повидлом, малая? Или леденец на палочке?

– А че это я малая?

– Ешь виноград давай, – он подтолкнул мне фруктовую корзину, а себе в бокал плеснул янтарной жидкости.

Ой... Я говорила, что я дура? Нет? Тогда знайте. Аллергия у меня на споры, на «слабо» и несправедливость. То, что Мятажный провоцирует меня – ёжикам понятно. Непонятно только, какого хрена я на это подкидываюсь?

Но, очевидно, голова мне все-таки дана, чтобы волосы носить, потому что я выхватила из его руки стопку и залпом

осушила жгучую противную жижу. Слизистая вспыхнула, в глазах собрались слёзы, но я терпела. Мятажный сначала замер, а потом посмотрел на своего друга, что заливался смехом у меня за спиной.

– Дыши, Груша! – рывкнул он и с силой ударил мне по спине. – Отбитая... Мля! Марк, ты это видел?

– Чур, я первый танцевать пойду, – Марк наклонился, посмотрел в мои глаза и снова заржал. – Шеф, она почти готова. Ну что? В море скинем, или заморочимся и ямку выкопаем? О! Давай в той куче, что осталась после последнего дизайнера, её и похороним? Там и ромашка растёт, кажется.

– Конечно, заморочимся. Пусть сначала двор мой приведёт в порядок, а то предыдущие бездари чепухи ванильной понаделали, а потом снова всё разроем, закопаем и новую дурочку искать будем, – Мятажный тихо рассмеялся.

Весь такой красивый, шикарный... И взгляд не липкий, не нахальный. Он же ни разу не ощупал меня глазами. Его словно и не волновали мои открытые ноги, тесное боди, подчеркивающее дерзкую форму груди. Единственное, на чем я чувствовала его взгляд, это шея. Как только я отворачивалась, то ключицы буквально кислотой обжигало.

– Марк, а вы не могли бы перевести своему другу, на любом понятном ему языке, что я не буду работать на него? Я студентка, и опыта у меня с гулькин нос!

– О! Это проще простого, я филфак оканчивал. Мятажник, она тебя послала в пешую прогулку по половому орга-

ну моржа, – Марк дёрнул плечом. – Перевод достаточно точный, Грушенька?

– Сойдет, – застонала, медленно скатываясь по спинке дивана. – Дяденьки, милые, отпустите, а?

Но в глазах этой парочки я не увидела ни сочувствия, ни понимания, а о доброте душевной и речи быть не могло. Они как два коршуна пялились на меня, словно давно определили в жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.